

«Москва-Ква-Ква»: новая сага о главном

Василий Аксенов вернулся в 1952 год

«Пирогах на Никольской» состоялся вечер из цикла «Перед книгой». Организаторы задумывали проводить подобные встречи в момент, когда новые творения востребованных авторов еще не успели обессмертить юркие издатели и записные клакеры, когда о произведении еще не высказался многоголосый читатель, когда написанное еще прикрыто тайной. При этом успела сложиться традиция изготовления небольшой и стильной распечатки отрывка для популяризации новинки, возвращающей желающих в эпоху самиздата и даже «в те глубокие времена, когда у Маяковского воровали стихи из типографии»... Вот с такой ноты началась встреча с писателем Василием Аксеновым и его новым романом «Москва-Ква-Ква».

Нет, роман не о лягушках, хотя именно оффранцуженный переспрос «что-что?» помог придать имени мегаполиса магическое эхо, имитирующее звуки царевен-деликатесов. Автор приписывает рождение заглавия героине-бразильянке, которой слышится «ква-ква» в обычной русской речи.

Василий Павлович прочитал кусок из главы «Таинство Первой», а потом плавно пере-

Василия Аксенова понесло в отдаленные времена собственной жизни.

Фото автора

тику. Возможно, это подспудное желание и одновременное отталкивание от мемуаров привело меня в 1952 год...».

Действие развивается с марта 52-го до марта 53-го, развивают его бывшие солда-

ты, наш парень, вышибленный из Казанского мединститута. Настолько наш, что легко выдает стихотворный экспромт: «Глика Новотканная, / Девка окаянная; / Демон тела, ангел лика, / Сногшибательная Гли-

Золотая молодежь застольничала, пока морозы работали с судьбами колымских з/к

шел в беседу. Признался, что «Москва-Ква-Ква» для него — «полнейшая неожиданность», потому что обычно работа над романом занимает три года, а «Вольтерьянцы и вольтерьянки» были только-только закончены, когда он приступил к новой вещи. Но так уж сложилось: «Почему-то понесло в отдаленные времена собственной жизни»... Аксенов признался: «Мои издатели все время побуждают меня написать мемуары, а мне что-то не пишется никак, потому что все свое мемуарное я всаживаю в беллетрист-

ты, влюбленные в одну и ту же 19-летнюю золотоволосую студентку МГУ, сталинскую стипендиатку, отец которой — самый секретный ядерный физик, а имя мамы говорит о многом — Ариадна. Студентка — просто сказочная «чувиха»: «Безымянное Чудо Природы» по имени Глика Новотканная. Девушка-глюк! Вокруг нее вьются элитные товарищи-спецбуфетовцы. Поодаль — акаины Советов, холодная война, американская военщина...

Есть в романе и образ автора. Так Такович Таковский,

ка!» Это в виде Така является Аксенов и говорит от первого лица.

Аксенов откровенничал: говорил, что понятия не имел о том, что произойдет в его тексте через пять страниц, что герои совсем не слушались, а действовали самостоятельно, из-за чего задумка с банальным любовным треугольником переродилась в авантюру.

Кажется, что настроение текста создают сыны правящего класса, которые отплясывают буги-вуги в огромных квартирах-кубоквадратурах.

Может, тема жизни яузской высотки автору симпатична потому, что теперь он сам проживает в доме на Котельнической и ощущает гигантскую пропасть между днями сегодняшними и тем, что было полвека назад... Тогда золотая молодежь застольничала, пока морозы работали с судьбами колымских з/к. Диссонируя с мрачностью эпохи, тут и там прорываются символы иного — джазок, стиляги и удивительные авторские фантазии, замешанные на устойчивых городских мифах, включая побасенку об отравленной шали, которой убили Иосифа Виссарионовича, и слух о легендарной подлодке, ждущей эвакуации главного пассажира в устье Яузы.

Стержнем, на который назаны детали романа «Москва-Ква-Ква», выглядит поэма о Тезее — поэма в романе, игла в яйце. Именно в ней написано: «Все люди проходят свои лабиринты, / И каждого ждет свой Минотавр».

За роман, как предчувствует автор, придется выслушивать разное («Сторонники кондовой литературы меня будут еще долбать»). Но если подумать, то кому интересна проза, застегнутая на все пуговицы? Текст должен дышать свободно! Вот и вышел роман-антиkitель, журнальное превью которого можно прочитать сейчас же в январском и февральском номерах «Октября».

Читатели задавали автору вопросы: про планы, про Бродского, про Нобелевскую премию... Вспоминали вкус советских «трех топориков» и «Дуката», а потом переходили в дискуссию о вечной жизни.

Удачный «предпари» новой книги, готовящейся к выходу в издательстве «Эксмо», состоялся. Василий Аксенов курил и вспоминал, как умер Сталин, а он с друзьями планировал идти в лучший казанский ресторан, даже деньги отложил... Что делать? Решились сходить «только покушать», без веселья. А кончилось все полным джазом. В романе же джаз сменяется страшными и грустными событиями. Тезеям легко не живется... ■

Александр Герасимов